

Тень на плетень

Автор:

Светлана Алешина

Тень на плетень

Светлана Алешина

Новая русская

«...Кряжимский, как всегда выдержав паузу, потупив взгляд и откашлявшись, проговорил, помешивая кофе ложечкой:

– Согласно нашим данным, все эти люди действительно жили по одному и тому же адресу. Я не могу сказать, что они жили вместе или в одной и той же квартире, хотя адрес и совпадает полностью. Неизвестно, что это за квартира, вполне возможно, что-то вроде общежития. Дом мне известен. Это новое помпезное сооружение на углу Ленина и Некрасова. Довольно-таки престижная штучка. Вот, собственно, и все.

– Как в престижном доме может быть общежитие? – недоуменно спросила Маринка. – Странно что-то. Или дом непрестижный, или... или они на самом деле вместе жили.

– Я сказал про общежитие в качестве одной из версий, пока нет других, – заметил Сергей Иванович, поднимая глаза и серьезно глядя на Маринку. – Пока мы не имеем других фактов, кроме адреса в нашем компьютере, мы должны вести себя осторожно...»

Светлана Алешина

Тень на плетень

Глава 1

Это был непутевый вторник, следовавший как раз за абсолютно несъедобным понедельником, который, как я считаю, вообще даже не день недели, а так, какая-то мелкая пакость, еженедельно плюхающаяся нам на нервы и психику.

Но это было вчера. Сегодняшний же вторник не предвещал ничего необычного, да, наверное, ничего такого и не произошло. По крайней мере, у нас в редакции. А вот в городе Тарасове случилось кое-что. Не то чтобы так уж озадачить, надо признаться, но и не совсем ординарное явление.

Словом, вчера, в неприличный день, за городом упала с моста в Волгу – это у нас река такая – машина «Жигули» девяносто девятой модели. За рулем должен был находиться некий гражданин Будников, тело которого, однако, не нашли.

Некоторые местные издания поспешили сообщить об этом происшествии как о заказном убийстве. Особенно настырно на этом настаивала газетка под почти неприличным названием «Тарасовский листок». Не знаете такую? И не советую даже в руки брать, хотя нет, можно, если вам понадобится завернуть какой-нибудь мусор. Можете взять даже два номера, они того стоят.

Еще раз повторяю: не понимаю, почему эта наглая газетенка, пытающаяся в меру своих скудных силенок конкурировать с моим «Свидетелем», объявила падение машины Будникова заказным убийством, но заподозрить могу. Я не первый день варюсь в этом бизнесе и знаю: если сенсации нет, ее можно сделать. Некоторые привлекают читателей тем, что выдают на первой полосе наглые слоганы, другие же идут дальше, как вот в этом случае.

Допустим, есть такой лакомый кусочек, как непонятное происшествие, а тем более связанное, увы, с чьей-то смертью, поэтому очень несложно еще больше навести тень на плетень, пока наши доблестные органы (те, которые внутренние) не представят реальные доказательства завершения расследования. А пока они это сделают, столько воды утечет, что высосанная из пальца сенсация забудется сама собой по той простой причине, что ее раз пятнадцать успеют сменить другие.

Я бы и не стала обращать внимание на эту скоропалительную публикацию, если бы давненько не кривилась на сам факт существования «Тарасовского листочка». Этот клочок бумажки мне сильно не нравился, и не без оснований. Почему – расскажу в следующий раз, а сейчас я просто собиралась объявить войну конкурентам и показать и городу, и миру, как любили выражаться древние римляне, что дело не стоит выеденного яйца.

А это решение логично означало, что «Свидетель» тоже займется падением «Жигулей» в Волгу.

Первым делом, после того как я приняла столь ответственное решение, была публикация в сегодняшнем номере «Свидетеля» статьи, что за аварией с машиной Будникова нет никакого заказняка.

Я нарочно выбрала этот провоцирующий термин «авария». Ведь известно, что авария – это происшествие, не кончающееся человеческой жертвой, в отличие от катастрофы. Но на таких тонкостях мало кто заикливается, а при случае всегда можно оправдаться простым недосмотром или отсутствием умысла. В любом случае, я сделала маленькую заявку на информационный междусобойчик, намекнув, что мне известно больше, чем некоторым.

Вторым делом стало проведение рекогносцировки. Другими словами, мне нужно было распределить роли в собственном стане, роль главнокомандующего, разумеется, я навсегда зарезервировала для себя. Сочинением статейки о псевдоубийстве господина Будникова я озадачила нашего «сына полка» Ромку.

Ромка – малолетнее недоразумение нашей редакции – официально вообще-то числится курьером, но так как электронную почту и телефонограммы ему разносить по городу не приходится, а ничем другим занять курьера я не могу, то Ромка целыми днями сидит около компьютера, делая вид, что овладевает сложнейшей наукой – компьютерным набором. Говоря проще, он учится набирать на компьютере тексты.

Постоянно проходя мимо него, я спорила сама с собою на второй коржик, щелкает ли он очередной текст или играет в каких-то монстров.

Второй коржик каждый день горделиво украшал мое обеденное блюдце, потому что всякий раз, как я заглядывала в монитор к нашему недорослю, он там

постоянно то ли горилл натравливал на карликов, то ли друидов сводил с циклопами. Воевал, одним словом, в виртуальной реальности на фантастические темы. Дурдом, говоря лапидарнее, но делать нечего, если Ромку занять больше нечем.

Потерпев такое поведение нашего юноши до сегодняшнего дня, я твердо решила положить конец этой возмутительной практике и потому дала ему задание собрать всю информацию о господине Будникове и его исчезновении – я решила именно так обозначить проблему – и нащелкать статью для завтрашнего номера. Пусть начинает работать, засранец, а то он так откровенно кайфует, что даже завидно становится.

Услышав мою команду, Ромка немного подумал, потом кивнул головой и задумчиво пощелкал «мышкой», как я поняла, не забыв сохранить игру в том положении, на котором ее прервала злобная начальница.

Сергей Иванович Кряжимский, патриарх и энциклопедический справочник нашей редакции, тут же, как только я отяготила жизнь юноши непосильной работой, вызвался ему помочь, но исключительно в словесной форме.

– Ты, Рома, сначала постарайся узнать как можно больше не про само якобы убийство, а именно про убитого – сказал он. – Это как раз та тема, на которую мало обращают внимания СМИ, но если повезет, можно будет накопать кое-что любопытное. Покопайся в наших икс-файлах, вдруг что-то есть на этого Будникова. Побольше мелочей: где жил, чем занимался, семейное положение, ну и все такое прочее. Понял?

– Ага, – неуверенно ответил Ромка, покосился на меня и потрянул головой, наверное, стараясь привести этот прибор в думающее состояние. После игры в уродливых монстров это просто необходимо.

– А кто он такой, этот Будников? – зевнув на середине фразы, спросила меня Маринка, прикрыла рот и опустила голову.

Она сидела за своим столом рядом с дверью моего кабинета. На столе перед ней лежал красочный журнал из породы «Космополитена» или «Каравана историй», и она, не скрываясь, перелистывала все это великолепие, выбирая себе по вкусу то ли историю, то ли вечерний гардероб.

– Гоблин какой-нибудь, – самой себе ответила Маринка, снова зевнув, отчего фраза прозвучала как-то растянуто и потому смешно.

– Я видел по ящику в буфете, когда выходил вниз, – высунулся из-за монитора Ромка, – Будников был в пиджаке и с галстуком. Не похож на гоблина.

– Гоблин – это состояние души, а не форма одежды, – наставительно произнесла Маринка. – Известный профессор Любищев всю жизнь ходил, как будто его только что с дачи привезли, а был ученым мировой величины.

Ромка вздохнул, но сдаваться не собирался.

– Ну, понял, типа, не по одежке, – пробурчал он, – а по уму. Этот Будников все равно не тянул на гоблина, говорили, что он закончил МГУ, а настоящие гоблины если и учились на кого-нибудь, то только или на штангиста, или на боксера. Ну, на шофера еще.

– Любопытно, однако, – пробормотал Сергей Иванович, отрываясь от монитора своего компьютера, – а что делал выпускник МГУ у нас в Тарасове? Он приехал в командировку? А тогда по какому делу?

– Понятия не имею, – ответил Ромка, – по ящику этого не объясняли.

– Так давай узнавай быстрее, мы все ждем, – подтолкнула я его и вернулась в свой кабинет.

Я закурила, постояла у окна, посмотрела на часы и решила, что, видимо, пора выпить кофейку в дружной компании, а иначе грусть-тоска зажуёт меня насмерть.

Не то что слишком уж скучный денек выдался, но какая-то лень явно витала в атмосфере. Работать не хотелось, переживать – тем более, а если уж совсем честно признаться, то я за закрытой дверью кабинета сама, зевнув пару раз, заразившись дурным Маринкиным примером, подумала, что если не взбодриться, то высшее руководство газеты «Свидетель» в моем милом личике будет иметь слишком уж заметный сонный вид.

Придумав такой очевиднейший способ вновь обрести рабочую форму, я вновь подошла к столу, посмотрела на свою наполовину выкуренную сигарету с изогнутым черно-серым цилиндром пепла и аккуратно, чтобы не уронить этот самый пепел, положила сигарету в пепельницу. Пусть еще подымит, если у нее будет желание, а я пока попрошу Маринку о кофе.

Открыв дверь кабинета, я сразу же встретилась глазами с Ромкой, снова высунувшимся из-за монитора.

- Ольга Юрьевна, а вы помните, в прошлом году вывалился из окна один крендель? Ну прямо у себя из дома и еще записку оставил непонятную? Не помните?

- Фамилия у этого кренделя была? - спросила я, пытаюсь ненавязчиво привить мальчику навыки четкого изложения.

- А как же. Джапаридзе, - ответил Ромка.

- Это когда он упал на крышу летней палатки, и она вся рухнула в витрину бутика? Витрина разлетелась к чертовой матери, - уточняюще заметила Маринка, - показывали еще по телевизору осколки какой-то огромной вазы или банки, в нее попали стойки палатки, и она того... крякнула и на мелкие кусочки.

- Банка стояла в витрине? - вяло спросила я. - Не смешно. Или в бутике продавали соленые огурцы?

- А я и не смеюсь, - Маринка потянулась, хрустнула суставами и сказала: - Ух ты, смазки, что ли, не хватает? Я сказала «банка», потому что банка - это тара для хранения продуктов. А тот горшок был такой же тарой, только древнегреческой. Или древнеримской.

- Это амфорой называется, скорей всего, - заметил Сергей Иванович, - я тоже припоминаю тот случай. Амфора была не очень древняя, склеенная по кусочкам, и на пользу ей это попадание не пошло.

- Сваргань кофейку, - попросила я Маринку.

Та кивнула и, нагнувшись, вытащила кофеварку, до этого стоящую под столом на подкатной тумбе.

– Я тоже чувствую, что пора, – сказала она, – циклон несется.

– Ага, сонный, – подтвердила я.

– Ольга Юрьевна! – ноюще позвал меня Ромка.

Он встал со стула, наверное, чтобы лучше меня видеть, и на лице его была написана такая обида, что мне стоило больших трудов не улыбнуться. Потом все же, немного подумав, я улыбнулась. Мне это идет.

– Я здесь, – призналась я Ромке, ожидая продолжения.

Было похоже, что мальчик сейчас начнет канючить себе новое задание, иначе какого черта он про Джапаридзе вспомнил? Однако я ошиблась.

– А разве это не интересно? – спросил Ромка, волнуясь и краснея.

– Ты это про что? – не поняла я. – Ты о посуде, кажется, говорил?

– Ну, я вот тут в файлах нашел одну фишку, – поспешно пустился в объяснения Ромка, – Будников, который с моста рухнул, жил по тому же адресу, что и Джапаридзе.

– Может быть, это и интересно, – рассеянно сказала я. – Пока не знаю. Рой дальше, землекоп. Посмотри заодно, кто такой этот Джапаридзе. Я не помню. А почему вдруг у них адрес одинаковый? – очнулась я.

– Все думали, что они братья, а они просто любили друг друга, – усмехнулась Маринка.

– Ревность, что ли? – хмыкнула я. – Или самоубийство от несчастной любви? Ну, ни фиги себе!

- Причем классическая ревность: с битьем посуды! - заметил Сергей Иванович.

- Грешно смеяться над покойниками, - зачем-то произнес Ромка. Наверное, он так ненавязчиво пошутил и снова уткнулся в монитор.

- Чего грешного-то? - фыркнула Маринка, выставляя на стол поднос и выстраивая на нем чашки с ложечками. - После того как я умру, мне будет все равно, будут смеяться надо мной твои правнуки или нет.

- Правнуки? - переспросил Ромка, удивленно таращась на нее, - почему же правнуки?

- Потому что я переживу и тебя, и твоих детей, и внуков! - гордо заявила Маринка, беря поднос в руки.

- Давай я отнесу, - предложила я ей.

Маринка молча сунула мне поднос, а сама занялась кофеваркой.

Я отнесла поднос в кабинет, поставила его на кофейный столик и вернулась. Вода в кофеварке уже вскипела. Маринка, вооружившись банкой «Нескафе», обходила свой стол, готовясь перебазироваться к месту нашего традиционного кофепития.

В кабинете я нажала кнопку селектора и пригласила Виктора к себе. Он ничего не ответил, но я уже привыкла к таким вещам: придет, готова спорить.

Я вернулась в редакцию.

- Идемте, Сергей Иванович, - позвала Маринка Кряжимского, и тот, кивнув, погрузил свой компьютер в сон и встал, осторожно отодвигая стул.

- Во дела! - вдруг сказал Ромка, тоже приподнимаясь. - Я проверил все списки на эту квартиру, и знаете что?

- Знаем-знаем, пошли, а то остынет, - буркнула Маринка, направляясь к кабинету с кофеваркой.

– Нет-нет, вы послушайте! – вскричал Ромка, словно мы собирались уходить далеко и навсегда. – В том же прошлом году внезапно от приступа астмы крякнул один мужик, если помните, он из приподнятых был. Там что-то еще непонятное было, сперва думали, что самоубийство, но потом менты прикрыли это дело. Фамилия его была Гарфинкель...

– Ничего непонятного, – сказал Сергей Иванович, – я хорошо помню этот случай. Эксперты признали внезапный приступ астмы. Даже что-то про магнитные бури говорили, как о провоцирующем факторе. Лекарство у Гарфинкеля было далеко, и он просто не успел до него добраться. Кошмарная смерть, не дай бог никому.

– Ну так вот, – торжествующе воскликнул Ромка, помахивая авторучкой в воздухе, – а жил он в той же квартире, что и Джапаридзе, и Будников, вот как!

– Трое из ларца... – пробормотала Маринка и замолчала.

Я сама молча переваривала услышанное. Чертовщина какая-то... А если не чертовщина, то что?

– Это общежитие? – задала я разумный вопрос.

Ответ предполагался положительным, потому что иным быть не мог. Как еще трое взрослых мужчин могли оказаться в одной квартире?

– Дай-ка, Рома, я сам посмотрю. – Сергей Иванович подошел к Ромке и, заглядывая в монитор его компьютера, завозил по коврику «мышкой».

– Вот, вот, да вот же. – Ромка возбужденно тыкал пальцем в экран монитора, но Кряжимский, нахмурившись, не обращая внимания на его слова, сам проверил все данные.

– Ну, ты что встала, как изваяние, – сказала мне Маринка, подходя с кофеваркой, – пошли в столовку, пардон, в твой кабинет. Если что на самом деле путное, так расскажут.

– Проходи, а я подожду, чем кончится, мне интересно стало, – сказала я.

– Всем интересно, – сказала Маринка, – но только это тебе не Кинга читать. Вот у него интересно, а наш малец просто перепутал или нафантазировал.

– Я не нафантазировал! – возбужденно крикнул Ромка, не замечая, что кричит прямо в ухо Кряжимскому, стоящему рядом с ним.

Сергей Иванович, поморщившись, потер ухо.

– Ну не так громко, молодой человек, – пробормотал он.

– Извините, – проговорил Ромка, – а что она?!

– Я не «что», – гордо заявила Маринка, – а будешь выпендриваться и хамить, сразу вспомнишь свои прямые обязанности. У меня скрепки кончились!

Ромка засопел и уткнулся в монитор.

Маринка, торжествуя победу над подрастающим поколением, поплыла в кабинет, и я – следом за нею.

Мы уже расставили на кофейном столике и чашки и блюдца, и даже блюдце с печеньем из Маринкиной заначки, как вошли Сергей Иванович и Ромка.

– Все, как я и говорил! – прямо от дверей выпалил Ромка.

Маринка поморщилась и вяло поинтересовалась:

– А ты руки мыл?

– Не-а, а зачем? – растерялся Ромка.

Причем не только он один. Как я заметила, и Сергей Иванович растерянно взглянул на Маринку и остановился, не зная что делать.

– А затем, – угрожающе произнесла Маринка, – будешь продолжать выступать, сейчас пойдешь руки мыть. А мы будем спокойно пить кофе.

– Ладно, садитесь, – вмешалась я, – не нужны нам склоки. Вроде день пока был спокойным.

Все расселись, подошел молчаливый Виктор, сел на свое место, и Маринка разлила кофе. После минуты молчания, прерываемой только воинственным сопением Ромки, я обратилась к Сергею Ивановичу:

– Наш кадет действительно обнаружил что-то любопытное? Вы тоже так считаете?

Кряжимский, как всегда выдержав паузу, потупив взгляд и откашлявшись, проговорил, помешивая кофе ложечкой:

– Согласно нашим данным, все эти люди действительно жили по одному и тому же адресу. Я не могу сказать, что они жили вместе или в одной и той же квартире, хотя адрес и совпадает полностью. Неизвестно, что это за квартира, вполне возможно, что-то вроде общежития. Дом мне известен. Это новое помпезное сооружение на углу Ленина и Некрасова. Довольно-таки престижная штука. Вот, собственно, и все.

– Как в престижном доме может быть общежитие? – недоуменно спросила Маринка. – Странно что-то. Или дом непрестижный, или... или они на самом деле вместе жили.

– Я сказал про общежитие в качестве одной из версий, пока нет других, – заметил Сергей Иванович, поднимая глаза и серьезно глядя на Маринку. – Пока мы не имеем других фактов, кроме адреса в нашем компьютере, мы должны вести себя осторожно, иначе скатимся в желтизну.

– К китайцам, что ли? – беззаботно спросила Маринка и, увидев, что Сергей Иванович смешался, рассмеялась и махнула рукой. – Да шучу я, шучу. Все я поняла, и вы правы.

– Да, вы правы, Сергей Иванович, – сказала я, до этого только молча наблюдавшая за дискуссией. – Вот Ромка у нас откопал это подозрение на сенсацию, пусть роет и дальше.

- Согласен! - вскинулся Ромка и тут же спросил: - А как?

- Обязательно возьми с собою удостоверение, а не только диктофон, и пойдешь к этому дому, - распорядилась я. - Если повезет, сделаешь хороший репортаж...

- Ага, - ехидно добавила Маринка, - а если очень повезет, то поймешь, что в компьютере была ошибка, все чушь и ничего интересного там нет.

- Это мы еще посмотрим, - пробурчал Ромка, быстрыми глотками допивая кофе.

- И я про то же, - щедро улыбнулась Маринка и взяла с блюдечка печенье. - А почему никто печенье не берет? Очень неплохое, между прочим, сама выбирала.

- Уговорила, - сказала я и тоже взяла печенье.

Ромка не стал допивать кофе. Вскочив со стула, он начал метаться по кабинету в поисках диктофона.

Лениво покосившись на его прыжки, я негромко произнесла:

- У Марины в столе посмотри. У меня здесь только мой.

- Только в верхний ящик можешь залезать! - взволновалась Маринка и заерзала на стуле. - В верхнем ящике лежит этот диктофон, и запасные батарейки там же. Больше никуда не лезь! Понял?

- Да понял, понял, - ответил Ромка, вылетая из кабинета, - и не собирался я никуда больше... - донесся его голос из редакции.

- Нашел? - крикнула Маринка.

- Не-а, Марин, тут какие-то пакеты, - ответил Ромка.

- Ты куда залез, мерзавец?! - взвизгнула Маринка, вскочив так резко, что едва не опрокинула стол, и выбежала из кабинета.

– Ну, а мы с вами, господа, – сказала я, улыбаясь Кряжимскому и Виктору, – попьем кофейку в тишине. Милое дело, правда?

– Несомненно, Ольга Юрьевна, – согласился Кряжимский.

Виктор как всегда промолчал, но не думаю, чтобы он был против.

После того как Ромка нашел и отвоевал себе диктофон, я его поставила перед собой и подробно проинструктировала, как себя вести во время сбора материала. Маринка постоянно вмешивалась и дополняла мои слова еще и своими ценнейшими замечаниями.

– Слушай внимательно все, что говорят. Еще лучше повторяй про себя эти слова, и тогда они лучше улягутся в мозг и ты сумеешь задать нужный вопрос... – наставляла я.

– И не строй рожи, как сейчас, – добавила Маринка.

– Это мимика у меня такая, – попытался защититься Ромка и жалобно посмотрел на Виктора.

Виктор сидел с непроницаемым лицом, делая вид, что все происходящее его не касается.

– Это не мимика, а гримаса, ты не клоун в цирке, а журналист из приличной газеты, – высказалась Маринка.

– А... – начал Ромка, но я его прервала.

– Молчи, – сказала я. – Далее. Как только придумаешь вопрос, задавай его медленно, потому что бывает, что собеседник, не дослушав до конца, уже начинает отвечать. Он не понял еще, о чем ты его спрашиваешь, и говорит о том, что его интересует. Это важно. На основе этого и строй свои следующие вопросы...

– И носом не шмыгай, – вставила Маринка.

- Да понял, понял, - проворчал Ромка.

Я тоже поняла, что если продолжу и дальше инструктировать его в присутствии Маринки, то до добра это не доведет: кого-то побьют.

- Ну иди тогда, если понял, - сказала я, - в случае чего - звони.

- Или ори, если туго придется, - посоветовала Маринка. - Если попадешь в непонятную ситуацию, лучше сразу поднять шум, а потом видно будет. Я всегда так поступаю. Пока проходило.

- Вы с ним в некотором роде разнополюе, - хмуро заметила я. - То, что проходило у тебя, может не прокатить у него, но в любом случае вали отсюда, Ромка, мне уже надоело учить тебя уму-разуму. Все равно бесполезно.

- Ага, - ответил Ромка убегая, а Маринка села за стол и взяла свою чашку.

- Не знаю, что из него получится, - тоном престарелой матроны сказала она, - разгильдяй и думать не умеет. Да ладно думать! Вести себя не умеет прилично. Не удивлюсь, если он там еще сморкаться начнет при помощи двух пальцев.

- Это как? - спросила я только для того, чтобы разговор поддержать.

- Ну, блин, ты даешь, серость, а еще филфак окончила, - возмутилась Маринка. - Вот смотри: одним пальцем так...

- Прекрати! - прикрикнула я. - Что это еще за гадость?!

- Ну, не хочешь - не надо, - обиделась Маринка. - Вот это твой самый крупный недостаток: не хочешь ты учиться новому. Неспособна, наверное.

Глава 2

Ромка ушел, и кофепитие продолжилось уже без лишних разговоров и споров. Первым ушел Виктор, молча кивком поблагодарив меня и Маринку.

Помаявшись в оскорбительной тишине ужасающе долго, наверное, целых три минуты или даже все четыре, Маринка, бросив взгляд на меня, повернулась к Сергею Ивановичу.

– А дом этот, вы говорите, новый, да? – спросила она.

– Как будто ты его не знаешь, – заметила я, – на нем еще две башенки, почти как на консерватории.

– А-а, вон какой! – протянула Маринка. – Да, его совсем недавно построили. А что там стояло раньше? Какие-то домишки-развалюшки?

Сергей Иванович, как многие журналисты его поколения, болевший старым уходящим Тарасовым, вздохнул и, сняв очки, протер стекла платочком.

– Это был район нестарый, – негромко произнес он. – До революции, можно сказать, здесь находилась самая окраина города. Первые дома появились приблизительно в середине тридцатых годов, когда новому тракторному заводу требовалось жилье для своих кадров.

– Коммуналки! – гордо возвестила Маринка и процитировала: – «На тридцать восемь комнаток всего одна уборная!» Это Высоцкий!

– Здесь были не коммуналки, – мягко поправил ее Сергей Иванович, – а дома-коммуны. Теперь эта форма жилтоварищества, так сказать, уже плотно забыта, может, оно и к лучшему...

– А что... – начала я, но Маринка меня перебила:

– Кстати, о Высоцком! Представляете, что я недавно прочитала в одном журнале: Высоцкий был евреем! – Она обвела нас торжествующим взглядом и, вдруг покраснев, пробормотала: – Извините, Сергей Иванович, но это так неожиданно...

Сергей Иванович снова снял очки и снова протер их. Я сидела и ждала продолжения Маринкиного выпада. Пусть сама вылезает из той лужи, в какую себя загнала. Однако Сергей Иванович, вспоминая о своей национальности всегда в самый неожиданный момент, очевидно, решил, что сегодня этот момент еще не наступил.

– Я такое же слышал и про Пастернака, – мягко сказал он, – тоже как-то необычно, правда, Мариночка?

– Про Пастернака это все знают, – проворчала Маринка, – а про Высоцкого я узнала только вот...

– Ты бы почитала что-нибудь другое, – посоветовала я Маринке, – Елену Проскуруину, например. Такие детективы шлепает и, главное, много как!.. Надолго хватит впечатлений и информации.

Сергей Иванович, тоже, видимо, решив, что вопрос исчерпан, надел очки и продолжил:

– О чем мы говорили до... хм... Маринкиного сообщения? Ах да, коммуна! Люди жили как одна семья. Или правильнее было бы сказать, как один большой пионерский лагерь.

– А до коммуны? – снова влезла Маринка, заглаживая свое замечание, прозвучавшее явно невпопад, старавшаяся разговорить Сергея Ивановича и тем самым сделать ему приятное, но получилось еще хуже. – А до коммуны там были луга и поля?

– До коммуны? – задумался Кряжимский. – А вот, если мне память не изменяет... – Сергей Иванович вдруг бросил быстрый взгляд на Маринку и, видимо, хотел промолчать, но, с одной стороны, привычка к законченному повествованию, с другой – наверное, желание поделиться своими знаниями сыграли свою роль, и он нехотя закончил: – А до коммуны там было очень старое кладбище, Мариночка.

– Коммуна на кладбище! Вот это да! – удивленно протянула Маринка и толкнула меня локтем. Я едва не облилась кофе, только случайно успела отвести руку. – Кладбищенская коммуна, правда?!

Пожав плечами, я промолчала. Маринка же, увлекшись новой темой, спросила:

– Сергей Иванович, а какое кладбище там было?

– Как вам сказать, Мариночка, – голос Сергея Ивановича стал еще тише, а взгляд еще осторожнее. Я напряглась, ожидая, что же еще такого аппетитного он скажет. Если Сергей Иванович начинает вот так поглядывать на Маринку, значит, он предполагает, что от его информации она может... того... немного понервничать. – Там было кладбище тех людей, которых запрещали хоронить на обычных кладбищах при церквях, – наконец сказал он.

– Самоубийц, что ли? – блеснула Маринка эрудицией.

– И их тоже, – кивнул Сергей Иванович, – да мало ли еще кого, кто умер без покаяния или вообще не был крещен...

Кряжимский замолчал и наклонился над чашкой с кофе, а Маринка начала переваривать полученную информацию. Переваривала она ее так, как ей было удобно и привычно. Вслух то есть.

– «Без покаяния», – фыркнула она, – это значит, что самоубийцы. А те, кого окрестить не успели, это... Это кто же? Кого могли не успеть, если крестили почти сразу после рождения? Младенцев, что ли, хоронили? Ну ни фига себе коммуна! Как же они в таком месте строить начали?

– Ну как вам сказать, Мариночка, – Сергей Иванович уже начал руками разводить, подкрепляя этим последним ораторским приемом свою речь, – время-то было самое атеистическое, нигилистическое, «мы наш, мы новый мир построим...». Все, связанное с религией, было объявлено глупой старушечьей пропагандой, а заводу нужны были рабочие, а рабочим – хотя бы койка в общежитии. Тогда на эти вещи смотрели просто.

Кофе закончился, и мы все встали и начали убирать со стола.

Сергей Иванович хотел было уйти к своему компьютеру, но Маринка подловила его последним вопросом.

– А вы не перепутали, Сергей Иванович? – сказала она. – Я же все-таки вспомнила! Точно вспомнила. Когда-то на этом месте, на углу Ленина и Некрасова, базарчик был, вот! Базарчик, и никакой коммуны там не было!

Кряжимский, уже дойдя до двери кабинета, остановился, повернулся и улыбнулся.

– Верно, – сказал, он, – был базарчик.

– Ну вот, – обрадовалась Маринка, поднимая со стола поднос, – а вы тут нам страшилки про кладбища рассказываете. Если не было коммуны, то не было и кладбища. Это где-то в другом месте оно было.

– Да нет, Мариночка, – мягко ответил Сергей Иванович, – поселок коммунаров потом сгорел, и это место долго пустовало, а потом постепенно там стали приторговывать граждане из окрестных районов, ну а пять лет назад решили перенести базарчик в другое место, а здесь построить новый дом. Вот так-то.

Сказав все это, Кряжимский вышел, и вслед за ним потопала и Маринка, унося поднос с пустыми чашками.

Я взяла кофеварку, но выйти не успела. В кабинет заглянула Маринка.

– Посетитель к тебе. Мужчина. В костюме, – выделяя каждое слово, доложила она.

Я поставила кофеварку на место и кивнула.

– Приглашай, если мужчина. Куда ж деваться.

Маринка, хмыкнув, подхватила кофеварку и вышла, гордо неся ее перед собой, что было не совсем правильно. Неизвестно еще, что за посетитель пришел, а она ему сразу показывает, что главный редактор не работает, а кофе литрами хлещет.

А может, и не подумает, но я так посчитала, и мне это не понравилось.

Я села за стол, быстро отодвинула в сторону какие-то записки, пододвинула ближе к себе папку, открыла ее и посчитала, что вот теперь я полностью в имидже бизнесвумен.

Открылась дверь, и вошел улыбающийся мужчина среднего роста, с брюшком, лет приблизительно около сорока, одетый во все черное, коротко подстриженный.

– Здравствуйте, вы редактор? – спросил он меня и аккуратно прикрыл за собою дверь.

Кивнув, я пригласила его присесть напротив меня на стул для посетителей.

Мужчина сел и подал мне свою визитную карточку. Я, в свою очередь, дала ему свою, и он представился:

– Я Игнатий Розенкранц, доктор теоретической магии и декан факультета астрологии Петербургской академии оккультизма.

То же самое было написано и в его визитной карточке, украшенной каким-то непонятным знаком вроде планетарной схемы атома.

Я, немного удивленная, улыбнулась и, начиная разговор, пошутила:

– Вас сюда привели звезды, господин Розенкранц?

– Почти, Ольга Юрьевна, почти, – заулыбался Розенкранц, – если вы позволите, я сразу же перейду к делу. Поберегу и ваше время, и свое, тем более что я вижу на основании физиогномических наблюдений, что денек у вас сегодня не самый счастливый, Ольга Юрьевна.

– Что такое с этим днем? – непонимающе спросила я. – Я на него не жалуюсь. Пока.

– Я про жалобы и не говорю, – улыбнулся Розенкранц, – я только сказал, что день не самый счастливый! – В его голосе послышались нотки обиды. – Ну, скажите мне, Ольга Юрьевна, скажите, что этот день у вас самый счастливый в жизни!

Скажите!

– Сегодняшний день? – озадачилась я, не понимая, чего ко мне пристал этот мужик. Если он так заигрывает, то стиль какой-то уж очень прихотливый.

– Ну да! – настойчиво произнес Розенкранц.

– Не скажу! – резко ответила я, подумав, что если уж сегодняшний день самый счастливый в моей жизни, то получается, что мне вообще ожидать больше нечего.

– И я о том же! – обрадовался Розенкранц. – Я же так и сказал: «не самый счастливый день».

Я задумчиво посмотрела на этого оракула, пытаюсь окончательно сообразить, что же ему от меня нужно, зачем пришел?

– Вы, Ольга Юрьевна, наверное, подумали: «А зачем он пришел?» – спросил меня Розенкранц. – Не буду вас томить, уважаемая Ольга Юрьевна, я пришел просить у вас помощи!

– Гороскопы составлять не умеем, – призналась я, – но возьмемся, если нужно!

Розенкранц рассмеялся:

– Я сам специалист по гороскопам вообще и натальным картам в частности. Могу вам кратко или подробно, по желанию, рассказать о системах Региомонтана, Индуистской школе локаята или червака-вайшешика. Кармический гороскоп – тоже не проблема...

Я из приличия покивала, делая вид, что разбираюсь в предъявленных мне иероглифах, и вопросительно посмотрела на Розенкранца. Когда к делу-то перейдешь, волшебник? Дама заскучала.

– Мне кажется, вам стало немного скучно, – сказал Розенкранц, укладывая ладошки на стол и продолжая улыбаться, но почему-то не становясь от этого симпатичнее. – Перехожу к делу. Сначала немного теории. Чуть-чуть, только не

волнуйтесь. И так. Седьмого июля две тысячи второго года в три часа утра по Москве произойдет долгожданный конец света.

Розенкранц замолчал и лечезарно посмотрел на меня.

– Это теория? – спросила я. В моем понимании это сообщение было из разряда сказочек. Но, с другой стороны, если сказка – это то, чего нет и быть не может, то все-таки она ближе, конечно, к теории, чем к практике.

– Пока да, – совершенно серьезно сказал Розенкранц. – В три часа ноль одну секунду это станет практикой. Произойдет смена космических эонов. Это на тонком плане. Здесь в нашем измерении тайфун, цунами, сдвигка тектонических плит, как следствие этого всеобщее варварство, примитив, зарождение новой цивилизации. Наша цивилизация станет Шумером, Эламом, Древним Египтом для далеких потомков. Со временем, конечно.

– А наши книги станут глиняными табличками, – подсказала я, – понятно.

– Не суть важно, – небрежно заметил Розенкранц, показывая, что тема глиняных табличек его не волнует. – Важно то, что большая часть США уйдет под воду, Англия – туда же, Южная Италия – почти вся тоже. От Японии останется несколько островков. Вершина Фудзи, конечно же, будет самым главным островом. Из космоса Япония и сейчас смотрится не очень презентабельно, а после третьего июля... – Розенкранц задумчиво обвел мой кабинет взглядом и после секундного размышления выдал метафору: – Она будет выглядеть как горсть семечек, брошенная на голубой ковер океана. – Словно извиняясь, Розенкранц объяснил: – Мой язык очень метафоричен, потому что оккультизм – это поэзия, поэзия о живом мире вокруг нас и о живых нас в нем.

Я почувствовала, что мне срочно нужно закурить, иначе... не знаю, что иначе, но я почувствовала опасность. Мне стало казаться, что Розенкранц сумасшедший, и сегодняшний день имеет все шансы стать отнюдь не самым счастливым в моей жизни. Это он верно предсказал, негодяй.

– Вы, наверное, подумали, что я сумасшедший? – спросил Розенкранц и покачал головой, словно слову сумасшедших можно верить. – Ради бога, думайте, я не обижаюсь. Я никого не заставляю верить в мои слова, достаточно, что я сам верю в истинность того, что говорю. И не я один, в общем-то. Из известных

людей такого мнения придерживались мессир Нострадамус, например, потом... ну, в общем, не суть важно, – снова повторил он.

– Да уж, – охотно согласилась, больше всего желая, чтобы он скорей закончил.

– Я почти заканчиваю со вступлением, – честно глядя на меня, пообещал Розенкранц, – еще только пару фраз скажу. Или тройку. Это недолго. Итак. Конец света, понимаете ли, будет неокончательный...

– Слава богу, – тихо порадовалась я, вынимая из пачки сигарету и закуривая.

– Что вы сказали? А, ну да, конечно. – Розенкранц быстро перекрестился и продолжил: – Вся Великоорусская равнина останется практически без повреждений, потому что отцы наши уже пережили свой конец света и отстрадали и за себя, и за своих предков, и за своих потомков. За нас то есть. Вот так.

– Это все? – холодно спросила я. Сигарета вернула мне душевное спокойствие, и я собралась уже расставить все точки над «і».

Розенкранц, видимо, поняв, что его могут выгнать, если он не перейдет к серьезному разговору, умоляюще сложил ладони перед грудью и просительно проговорил:

– Почти. Одна фраза еще.

Я сурово кивнула.

Розенкранц заговорил торопливо, глотая окончания и нечетко проговаривая некоторые слова:

– Существует так называемый треугольник Чистоты. Некоторые школы, например Мюнхенская школа парапсихологии, еще называют его треугольником Силы. Это мистическая формула означает территорию, внешне похожую на треугольник: внутри этого треугольника сохранится все без изменений в тот страшный день. Ничего практически не пострадает, и никто не пострадает. Одна вершина этого треугольника – в Тарасове. Точнее даже могу сказать. Она

находится в районе второй городской больницы. Вот теперь с теорией все, Ольга Юрьевна.

Я подозрительно посмотрела на Розенкранца.

– Вы хотите, чтобы мы выступили с этим... вашим сообщением в газете? – спросила я, прикидывая, как бы повежливее послать к черту этого необычного посетителя.

Мне по работе приходилось встречаться с разными людьми, и если сначала я еще стеснялась, то потом поняла, что без некоторой жесткости, увы, не обойтись. Если выслушивать целыми днями всех прожектеров, то не хватит ни сил для жизни, ни времени для работы. Но на мое предположение о публикации апокалиптических прогнозов господин Розенкранц отреагировал отрицательно.

– Ни-ни-ни, уважаемая Ольга Юрьевна! – запротестовал он. – И мыслей у меня таких не было. Если только вы сами заинтересуетесь и захотите, то конечно же, а так – зачем?

Розенкранц пожал плечами, а для наглядности своего отрицательного отношения еще и помахал руками.

– Имеющий уши да слышит, Ольга Юрьевна, – немного напыщенно сказал он, – имеющий глаза да видит. К сожалению, люди склонны замечать летящий камень только в тот момент, когда он падает им на голову. Увы, таковы реалии. И не людей за это винить...

– А кого же? – спросила я, безнадежно тоскуя и понимая, что, похоже, попалась. – Колдунов?

– В каких-то случаях да, безусловно, в каких-то – судьбу. Сами люди часто закрывают глаза на опасности, но это следствие не сегодняшней их жизни, а грехов и неправедных поступков в прошлых реинкарнациях. Так, следовательно, о деле, – очнулся Розенкранц. – Я долго вам говорил во вступлении о паранормальных явлениях не просто так, Ольга Юрьевна, а для того, чтобы вы поняли смысл моей просьбы и значение ее для меня. Я в ваш великолепный город направлен своей академией в командировку для изучения участившихся аномальных явлений.

Он замолчал, выжидательно глядя на меня.

– И сильно они участились? – совершенно равнодушно спросила я, заминая сигарету в пепельнице. Мне почему-то стало грустно и одиноко. Вот ведь как: придет незнакомый человек, наговорит какой-то ерунды, и станет на душе то ли тоскливо, то ли пусто.

– Происходит все как положено, – ответил Розенкранц, – мы это давно предсказывали. Перед концом света как раз на границах, а тем более на вершинах треугольника Чистоты так и должно происходить. Хочу вас поблагодарить, Ольга Юрьевна, за то, что вы терпеливо меня выслушали. Я думаю, в милиции так терпимо не стали бы относиться к моим словам. Варвары там средневековые и темные души работают.

– А при чем тут милиция? – удивилась я, заподозрив, что Розенкранц находится в розыске. Я подозрительно посмотрела на его визитку. Можно без проблем самому нашлепать такие, и, кроме того, не знаю, как другие, а я понятия до сего дня не имела о существовании этой академии. Хотя сейчас их развелось невероятное количество...

– А вот мы и добрались, наконец, до сути. Понимаете ли, мне для дальнейшего изучения статистики аномальных явлений нужны будут некоторые факты некоторых же происшествий. Эти происшествия разноплановые, некоторые из них числятся даже по уголовному делу. Ну это так органы наши считают, я-то, а теперь и вы знаем, в чем тут дело. Произошел просто выброс энергии в определенной точке пространства-времени, и если кто-то из людей случайно оказывается рядом с этим местом, то бедняге не повезет: он может и погибнуть. Однако может произойти и один из вариантов телекинеза, то есть переноса объекта из этого места и времени в какое-то другое. Но ведь это не всем объяснишь!

Я нахмурилась, потерла виски пальцами и снова ничего не поняла. Что же он от меня хочет наконец?

– А хочу я, Ольга Юрьевна, – словно нарочно демонстрируя, как легко он ориентируется в моих мыслях, проговорил Розенкранц, – по каналу культурного обмена, фигурально выражаясь, получить от вас информацию не секретную, не тайную, не государственной важности, но вы ее можете добыть, а я нет, по

причинам вышесказанным.

– Ой, вы уж извините меня, Игнатий... – Я заглянула в визитную карточку, но отчества там не обнаружила.

– Валерианович, – подсказал мне Розенкранц, – именно так: Игнатий Валерианович. Мы из поляков, поэтому и имя такое, для русского слуха не очень привычное.

– Игнатий Валерианович, – официальным тоном произнесла я, – я не понимаю, что конкретно вы хотите. Вы же пообещали, что с теорией закончили, а до дела так и не дошли.

– Извините и не судите строго! – засмутился Розенкранц. – Это привычка профессионального лектора: наобещать, потом под обещание подпустить нужных фактов, пока внимание напряжено, ну и только потом выдать обещанное. Но я старался говорить максимально коротко, максимально! А теперь излагаю суть, после того как вы поняли, что собой представляет моя работа. Одним словом, вчера произошло одно происшествие, которое может заинтересовать нашу академию в том аспекте, о котором я вам говорил. Произошло якобы преступление. По крайней мере, так считают те, кому положено так считать. – Розенкранц со значением взглянул на меня, положив два пальца себе на плечо. Я кивнула, демонстрируя понимание.

Он продолжил:

– Я бы хотел попросить, если у вас имеется такая возможность, узнать максимум открытой информации на этот счет. В ответ обязуюсь упомянуть ваше имя и название вашей газеты в моей новой книге «Протополеменон Апокалипсиса». Если пожелаете, я могу на самых льготных условиях консультировать лично вас и вашу газету. Гороскопы, предсказания и прочее, и прочее. Через пару месяцев в Петербурге будет семинар по...

– Остановитесь, пожалуйста! – Я не сдержалась и почти крикнула. Извинившись, я нервно выудила из пачки еще одну сигарету и постучала ею по столешнице. – Какое происшествие вас интересует? – прямо спросила я.

– Падение с моста машины некоего Будникова, – поспешно ответил Розенкранц, видимо, серьезно меня испугавшись. Он весь как-то жалко сжался на стуле, даже втянул голову в плечи.

– Насколько мне известно, тело не найдено. Это сообщалось по телевизору, – пролепетал он, жалобно заглядывая мне в глаза. – Как раз в том месте и примерно в то время, по нашим расчетам, произошло открытие временного канала, и этот Будников мог провалиться в любое другое время и не вернуться из него. Или вернуться, но с полной потерей памяти. Это мне весьма интересно.

Я даже прикурить забыла, услышав о столь неожиданной версии событий.

– То есть вы думаете, что здесь... как бы это... – медленно проговорила я, подыскивая нужное слово, – нечисто?

– Вот именно! Вот именно! – радостно воскликнул Розенкранц. – Термин не совсем точен, но он отлично отображает суть явлений. Нечисто! И я...

В этот момент в кабинет вошла Маринка. Не знаю, что ей понадобилось, но я ее приходу искренне обрадовалась. Она могла меня выручить и избавить от этого мага и астролога.

– Что-то случилось? – с надеждой спросила я.

– Случилось, – сухо ответила Маринка. – Ромка звонил. – И что?

Звонок от Ромки вовсе не был тем событием, о котором можно было бы сказать «случилось». Я внимательно посмотрела на Маринку: не шутит ли по своей дурацкой привычке? Она не шутила и сразу объяснила все:

– Он в больнице лежит. Сломал ногу. Говорит, что какая-то чертовщина с ним случилась.

– Что? – переспросила я и уже по-другому взглянула на Розенкранца.

Тот, подняв брови, уставился на меня.

– Я поняла, что вам нужно, Игнатий... Игнатий Валерианович, – быстро сказала я. – Поняла и думаю, что смогу вам помочь по мере своих возможностей.

– Буду искренне вам благодарен. – Розенкранц встал и несколько театрально поклонился. – Телефон в визитке указан сотовый, он всегда со мною, так что вашего звонка я буду ждать ежеминутно. И, если позволите, сам нарушу ваш покой... как-нибудь позже...

– Конечно, конечно, – ответила я, – тем более что, с одной стороны, я не вижу ничего из ряда вон выходящего в вашей просьбе, а с другой стороны, не думаю, что для меня это будет большой сложностью, потом... – Я хотела еще сказать, что этим делом я уже и сама заинтересовалась, но решила все же этого не говорить. А то обрадуется еще, волшебник, и снова зарядит лекцию на час, а у меня уже просто сил нет слушать его разглагольствования.

Розенкранц еще несколько раз поклонился, шаркнул ножкой и наконец исчез. Я перевела дух с облегчением.

– Кто это был? – спросила меня Маринка, когда за Розенкранцем закрылась дверь.

– Потом. Все потом, – ответила я, – что с Ромкой? Рассказывай подробнее.

– А не знаю я никаких подробностей, – пожала плечами Маринка и села на тот стул, на котором только что восседал декан чего-то там оккультного. – Это все, что он мне сказал. Добавил еще, что гипс ему наложили и согласны отпустить домой. Если мы за ним приедем, то сможем забрать.

– Значит, едем. – Я встала и вышла из-за стола.

Маринка взяла визитку Розенкранца в руки и прочитала ее.

– Ну ни фигя себе! – присвистнула она. – Это он был, да?

– Он, он, – ворчливо ответила я, собирая свою сумку.

- Так ты ему гороскоп заказывала?! - возмутилась Маринка. - Вот зараза! А мне не могла сказать? Мне тоже надо!

- Ничего я ему не заказывала! - рявкнула я. - Он сам пришел.

Я улыбнулась и уже миролюбиво произнесла:

- Помнишь эту фразу из «Бриллиантовой руки»: «Не виноватая я, он сам пришел!»?

- И что ему было нужно, если он сам пришел? - не унималась Маринка. Зажав в руке визитку, она бросилась за мною.

- Он, представляешь, тоже интересуется делом Будникова, - сказала я, выходя в коридор, - говорит, что это все чертовщина.

- Да это и козе ясно! - с такой возмутительной интонацией вякнула Маринка, что я остановилась на полпути.

Сергей Иванович удивленно выглянул из-за своего монитора, услышав наши с Маринкой разговоры.

- Что ясно? Что ясно? - воскликнула я.

- А ты сама будто не понимаешь! - распалилась Маринка - Сергей Иванович же все рассказал, а выводы сделать из его слов проще простого. Это все покойники!

Я посмотрела на Сергея Ивановича, он - на меня, и затем мы вдвоем уставились на Маринку.

- Чего? - медленно спросила я. - Какие еще покойники? Ты ужастиков пересмотрелась?

- Ну да! - Маринка обозлилась и даже покраснела. - Про кладбище-то помнишь? Ну, то-то. Они и коммуны сожгли! А теперь жильцов дома уничтожают по одному. Дом-то кирпичный, его сжечь не получается, поэтому они так и будут уничтожать их по одному, пока весь дом не опустеет. А потом, может, и сами

переселятся туда!

Я подошла к Маринке и осторожно приложила ладонь к ее лбу.

- Холодный – произнесла я задумчиво.

- А ты думала, я брежу? – высокомерно ухмыльнулась она, воображая себя наверняка Миклухо-Маклаем среди папуасов. – Держи карман! Я сразу почувствовала, что здесь что-то не то.

- Я не про бред, – серьезно сказала я, – я про то, что лоб у тебя холодный.

- Ну и что? – не поняла Маринка.

- А то, – угрожающе продолжила я. – Лоб у тебя холодный, и заговаривать ты стала о покойниках, чего за моей Маринкой не наблюдалось. Она, насколько я помню, покойников боялась. Ты сама, наверное, покойница, а притворилась Маринкой! Влезла в ее тело, а Маринкину душу сунула куда-нибудь в подземелье! Я такое в одном фильме смотрела... Точно! – крикнула я. – А сегодня же полнолуние!

- Да пошла ты, – обиделась на меня Маринка, – мне и так не по себе, а еще ты пугаешь.

Глава 3

Мы с Маринкой и с пакетом фруктов, которые были закуплены по Маринкиному настоянию, подъехали к корпусу травматологии второй городской больницы приблизительно через сорок минут.

Выходя из машины, я все еще никак не могла успокоиться.

- Ну зачем ему фрукты, Марина, если мы его сейчас или через полчаса, неважно, отвезем домой?

– Отстань от меня! – прикрикнула раздраженная Маринка. – Сами съедим, если он откажется! Я сама, например, не против бананов!

– Ну, так и скажи, что ты их себе купила, – не успокаивалась я, – и нечего тут сочинять про заботу о болящих сотрудниках!

Маринка фыркнула, мотнула головой и замолчала. Мы прошли в приемный покой, узнали все, что нам было нужно, и почти без труда прорвались внутрь корпуса.

Белые халаты, выданные нам невзрачной дежурной девушкой, читающей покетбук Сергея Маузера, мы накинули на плечи. Халат, доставшийся мне, почему-то оказался коротким и узким. На дюймовочек, что ли, они рассчитаны? Скорее всего.

Палата располагалась на втором этаже в середине коридора. Народа в коридоре было немного. Несколько больных в пижамах и в тренировочных костюмах стояли возле окон.

Одним из пациентов у окна оказался и наш Ромка. Мы его узнали не сразу. Правильнее было бы сказать, что это он разглядел нас и замахал рукой.

– Неужели это он? – тихо спросила меня Маринка.

Пока мы подходили, я сама сомневалась, но, наконец, узнала Ромку.

Он стоял, опираясь на два костыля, его правая нога была загипсована до колена.

– Привет! Тебя уже костылями вооружили! – весело поздоровалась Маринка с Ромкой. Она вообще всегда быстрее меня ориентируется в малоприятных ситуациях. – Жаль, что мы Виктора с собою не взяли! – добавила Маринка, поворачиваясь ко мне.

– Почему? – не поняла я.

– А если костыли здесь отберут, скажут, что казенное имущество, как мы его потащим? На руках?

Я промолчала и с любопытством посмотрела на Ромку.

– Привет, – поздоровалась я с ним, – не молчи, индеец, рассказывай, как тебя угораздило поскользнуться на банановой кожуре.

– Не поскользывался я нигде, Ольга Юрьевна. – Ромка шмыгнул носом и облокотился на подоконник локтем. – Это дом такой несчастный, что ли, короче говоря, чертовщина со мной приключилась.

– Какая еще чертовщина? – прищурилась Маринка. – Ты имеешь в виду нечистую силу?

– Ну, кто ж знает! Может, и ее. – Ромка оглянулся и приблизился к нам. – Я точно понял, Ольга Юрьевна, что там что-то не то! Там что-то скрывают! И, во-первых, это комендант!

Слово «комендант» Ромка произнес таким загадочным тоном, что я почувствовала какую-то волну холода, пробежавшую по спине.

– Какой комендант? – негромко переспросила Маринка, и я поняла, что она пугается Ромкиного ответа, ожидая чего-то мистического.

Однако Ромка, который был не в курсе всех этих дел, начал рассказывать просто и спокойно:

– В этом доме есть или управдом, или комендант, или кто там еще, короче, главный над шоферами и дворниками. Комендант очень не хотел пускать меня. А потом еще был один тип мажорный такой, вроде какой-то чиновник из правительства. Он мне...

– Хватит пока, – я постаралась пресечь Ромкину активность, сообразив, что сейчас последует обычный рассказ о трудностях журналистской работы, – расскажи лучше, что у тебя с ногой. Ты куда ею залез?

– В дверь, – вздохнул Ромка, – меня не пустили через парадный вход, и я обошел дом с другой стороны, а там был еще один вход, наверное, служебный. Там была приоткрытая металлическая дверь, я шагнул, и тут она резко прикрылась... ну,

ВОТ И ВСЕ...

Мы с Маринкой молча переглянулись. Не знаю, о чем подумала она, но я-то подумала, что сама никогда не лезу в чужую дверь, не посмотрев, что там за нею. Это означает, что мне бы дверь прихлопнули голову. Радужная перспектива, ничего не скажешь.

- Ну ладно, а сейчас ты как себя чувствуешь? - спросила я.

- Нормально, ничего не болит. Честно-честно, - сказал Ромка и жалобно взглянул на меня. - А вы на машине, Ольга Юрьевна, да?

- На самокате с пропеллером, - отрезала Маринка и повернулась ко мне: - Что делать будем, шеф?

- Нужно переговорить с твоим лечащим врачом, - сказала я Ромке. - Если он скажет, что тебя можно забирать домой, то мы прямо сегодня и отвезем тебя.

- Если же нет, то получишь вот этот пакет с фруктами и будешь их грызть, лежа на больничной койке, - быстро закончила Маринка, глядя на меня как бы с намеком. Она хотела сказать, что зря я ее подозревала в покушениях на бананы, но я сделала вид, что не поняла намеков.

Ромка сморщился, но тут же с интересом взглянул на пакет:

- А что там? Какие фрукты?

- Это только для больных, - уклончиво сказала Маринка.

- Палата твоя где? - спросила я, чтобы прекратить этот разговор, переходящий в бестолковые препирательства.

- Да вон она. - Ромка махнул костылем в сторону открытой двери с цифрой 13, написанной черной краской на закрашенном белом стекле филенки.

- Давай зайдем туда, оставим пакет, потом попробуем найти твоего врача, - предложила я.

– А я, кстати, сделал небольшой репортаж, – вдруг вспомнил Ромка, неуклюже шагая по коридору, – наговорил на кассету. По-моему, получилось неплохо.

– Молодец, молодец, – неохотно похвалила я Ромку, – но лучше бы сохранил свои конечности в целостности.

Мы вошли в палату. Она была шестиместной, но только две койки были заняты. На одной, у левой стены, укрывшись одеялом с головой, спал Ромкин сосед.

Ромкина койка, как я поняла, располагалась справа. Она была разобрана, одеяло скомкано и прижато к стенке. Около прикроватной тумбочки, склонившись над ней, стоял мужчина в белом халате и в белой шапочке. За его спиной не было видно, что он там делал.

– Я здесь, доктор, – сказал Ромка, медленно входя в палату. За ним проскользнула Маринка и сразу же сморщила нос, давая понять, что здешняя атмосфера не про ее тонкую душу.

Врач обернулся, и я увидела, что у него на лице марлевая повязка. В руке врач держал диктофон. На тумбочке лежала раскрытая Ромкина сумка.

Врач, не говоря ни слова, поспешно приблизился к нам.

– В чем дело? – спросила Маринка, выскакивая вперед и разглядывая всю сцену.

Врач так же молча шарахнулся чуть влево.

– Это мой диктофон! – крикнул Ромка, вышагивая вперед и взмахивая костылем.

У него это получилось не очень ловко, и он задел за Маринкину сумку, поддав ее снизу вверх. Сумка подпрыгнула и, перевернувшись, описала вокруг Маринкиного плеча полный круг.

– Ой, – пробормотал Ромка, – извини.

Я предусмотрительно отошла на шаг в сторону. Черт его знает, чем дело кончится, если Ромке приспичило вдруг изобразить из себя рейнджера.

– Это что еще за фокусы?! – закричала Маринка, тщетно пытаясь поймать свою сумку. У нее это получилось только с третьей попытки.

– Он рылся в моей сумке! – вскричал Ромка, показывая кивком на диктофон в руках доктора.

– Грабеж среди бела дня! – проворчала Маринка, но ее раздражение было обращено не против врача, а против Ромки. – Ты легче костылями-то, а то...

Не могу сказать, что я сразу же поверила в версию Ромки. Диктофон – не такая уж редкая вещь в нашей жизни, чтобы можно было любого с этим прибором в руках заподозрить в воровстве именно твоего.

– И... – пробормотала я, обращаясь к врачу, собираясь извиниться перед ним за юношескую импульсивность нашего товарища, но врач, не собираясь вступать ни с кем из нас в приличный разговор, вдруг все так же молча прыгнул на Ромку и толкнул его на Маринку. А вот это уже было подло.

Ромка повалился, Маринка завизжала, врач бросился к дверям.

– Помоги же, что ты стоишь?! – заорала мне Маринка, медленно приседая под весом Ромки, а Ромка, вместо того чтобы стараться сохранять равновесие, продолжал размахивать левым костылем. Но врач уже убежал.

Дверь, распахнутая им, ударила меня в бок. Этот удар как бы придавал мне ускорение, и я схватила Ромку за руку.

– Диктофон! – снова крикнул Ромка, вырываясь и пытаясь выскочить на своих трех ногах вслед за похитителем. – Виктор с вами?

– Он там, где все нормальные люди. На работе, – резко ответила Маринка, оправляя платье.

Она отпустила Ромку, теперь уже навалившегося на меня, и отошла в сторону.

– Может быть, тебя еще и в голову ранили? – крикнула она Ромке. – Какого черта распрыгался?

– Ты уверен, что это твой диктофон? – спросила я, выравнивая Ромку и заставляя его оставаться на месте. – Или успокойся, или я тебя отпускаю – и можешь падать! Вторую конечность сломаешь.

– Это не мой диктофон, – хмуро ответил Ромка, прекращая свои попытки потренироваться в беге по больничным коридорам.

– Ну а в чем же тогда дело? – прикрикнула Маринка и покосилась на соседа Ромки по палате. Он как лежал не шевелясь, так и продолжал изображать деталь интерьера. Что за странные люди? Неужели им неинтересно, что происходит у них под носом?

– Это твой! – ответил Ромка Маринке и вздохнул. – У врачей зарплата маленькая, я об этом слышал... но никогда бы не поверил, что...

– Мой диктофон?! – медленно повторила Маринка и открыла уже рот, чтобы высказать свое отношение ко всему происходящему, но тут позади меня послышался негромкий кашель.

Я обернулась.

В дверях палаты стоял мужчина ниже среднего роста, приблизительно сорока лет, с коротко стриженными седыми волосами. На плечах был накинут халат, свисающий до пола. Почему-то первым делом я обратила внимание именно на этот факт. Похоже, что любительница Сергея Маузера практиковалась еще и в вялых приколах. Нужно будет сказать ей пару ласковых слов, когда мы отсюда уберемся.

Мужчина шагнул вперед и, не обращая внимания ни на Маринку, что понятно, ни на меня, что возмутительно, обратился к Ромке.

– Вот ты где, малыш, – сказал он, достаивая нас с Маринкой только косым взглядом.

– Что вам нужно? – спросил Ромка, и я услышала, как дрогнул его голос.

«Ничего себе, – подумала я, уже более внимательно рассматривая этого визитера, – кто же это такой? Может быть, родственник?» Мужчина по возрасту вполне годился Ромке в отцы или в дяди. Возможно, этим и объяснялась Ромкина робость.

– Мне нужно, чтобы ты не совал свой нос, куда тебя не просят, понял, да? Одну клешню тебе сломали, так это только начало. Постарайся побережь свое здоровье.

Я резко повернулась к этому наглому гостю, но Маринка опередила меня.

– Вы кто?! – рявкнула она, и я ее прекрасно поняла. После того как тебе едва не сшибли сумочку, потом чуть не уронили, срочно требовалось на ком-то разрядиться.

– Отстань, мамочка, – коротко бросил гость и снова обратился к Ромке: – Короче, пацан, я тебя предупреждал? Но ты продолжаешь свои дела. Придется с тобой разобраться по-плохому.

Мужчина, отведя руку назад, постучал пальцами по стеклу палатной двери. В ответ на эту команду, наверняка украденную из репертуара Куклачева, в палату протиснулись еще два персонажа, отвечающие четкому определению: гоблины. Оба не поражали высоким ростом, но спортивные костюмы, короткие стрижки, сильно развитые надбровные дуги, нависающие над маленькими глазками, не оставляли сомнений в том, что они принадлежат именно к этой разновидности рода человеческого.

Вошедший первым, наверное, был самым отчаянным из этой пары: его нос и лоб украшали старые шрамы, словно когда-то в порядке инициации его качественно повозили мордой по шершавому полу, предварительно рассыпав там пригоршню гвоздей.

– Вот этого малого на костылях в мою машину. Будет вякать – успокоить, – скомандовал седой и отошел в сторону.

Как два бультерьера, в народе называемых свинокрысами, братки переваливающейся походкой подошли к Ромке.

Жертва инициаций пробурчал:

– Ясно. Ну, пошли!

– Одну минутку! – Я удивилась, услышав свой собственный голос, но теперь, когда все внимание обратилось на меня, отступить было поздно.

– А тебе-то что? – спросил меня поцарапанный. – Ты к кому пришла? Вот и вали отсюда.

Ромка был зажат с двух сторон и имел весьма жалкий вид.

– Я пришла к этому молодому человеку, – независимо ответила я и рывком, получившимся у меня довольно-таки нервным, достала из сумки удостоверение.

При виде красной книжечки лапы, захватившие Ромку, отдернулись назад.

– Что это у вас там? – проворчал седой и не спеша подошел ко мне.

Затем, что-то бурча, взял мое удостоверение и раскрыл его.

– Фу-ты, журналюшка! – презрительно оттопырив губу, произнес седой, но, задумчиво посмотрев на своих бультерьеров, махнул им рукой, и братишки отошли на шаг.

– Короче, ты понял, да? – снова обратился седой к Ромке. – Мне придется с тобою поговорить, если снова будешь вести себя невежливо.

Помолчав для солидности, седой негромко добавил:

– Давайте отсюда в отвал, ребята.

Бандиты не выразили никакого отношения к столь быстрой смене команд, просто повернулись и вышли, как безмозглые роботы, не умеющие интересоваться смыслом своей работы, а только тупо выполняющие заложенные в них программы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/aleshina_svetlana/ten-na-pleten

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)